

ВЛАСТЬ И ПРОСТРАНСТВО В СОЦИАЛЬНЫХ МОБИЛИЗАЦИЯХ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ О ПРОТЕСТАХ, ПРИВЕДШИХ К СМЕНЕ ВЛАСТИ В КЫРГЫЗСТАНЕ ОСЕНЬЮ 2020 Г.

Асель Доолоткельдиева

**АСЕЛЬ
ДООЛОТКЕЛЬДИЕВА**

Асель Доолоткельдиева в настоящее время работает в Академии ОБСЕ (Бишкек), где преподает на магистерской программе. Она защитила PhD диссертацию в Университете Эксетер (Англия) на тему социальных мобилизаций в современном Кыргызстане. Асель является автором многих публикаций и ведет исследовательский проект об эволюции протестной политики в революционных циклах.

Февраль 4, 2021

В Кыргызстане, где политическая жизнь отличается динамизмом, за почти три десятилетия независимости страны выработались два основных типа социальных мобилизаций: эпизодические тематические протесты – с одной стороны, и интенсивные мобилизации, которые приводят к смене власти, – с другой. Крупные социальные мобилизации с последствиями для политической системы имели место в новейшей истории страны трижды: в 2005, 2010 и 2020 гг. и получили «народные» названия «мартовской», «апрельской» и «октябрьской» «революций» соответственно[1]. В данном эссе объектом анализа является природа социальной мобилизации, которая привела к смене власти в октябре 2020 г. В силу ограниченного объема данное эссе не рассматривает природу режима, его «быстрое падение» под нажимом социального напряжения и конкурирующей элиты, что, бесспорно, является важным атрибутом кыргызстанской политики и предметом отдельного исследования.

Если в предыдущих революциях политологические интерпретации сводились к анализу связей социальных мобилизаций с элитами, то в этот раз оказались важными социальные процессы, протекающие в обществе, как источник перемен. Габдулхаков увидел в данных формах мобилизации и движущих ими политик линии деления общества на город и село¹ Аксана Исмаилбекова дала им интерпретацию поколенческого конфликта, проявления разных ценностей и ожиданий². Действительно, в течение нескольких дней в этих мобилизациях можно было увидеть растущую дифференциацию общества, «борьбу за определения». Однако эти линии дифференциации, какими бы условными они не были, были скоропалительно стерты и объединены в бесформенную гегемонистскую категорию «эл» (с кыргызского языка – народ). Политика Садыра Жапарова, пришедшего на смену президента Жээнбекова, была направлена на гомогенизацию разнообразных групп протестующих с целью капитализации на «народном» недовольстве, что привело к деполитизации требований различных групп.

Нам кажется важным рассмотреть разнообразие протестующих групп до установления жапаровским дискурсом гегемонистской «народной» формы мобилизации. Структурирующим элементом этого разнообразия, который рассматривается в этом эссе, является пространство и как оно формирует разные понятия власти и отношения к ней. Предыдущие революции 2005 и 2010 гг. тоже структурировались на динамиках пространства, на движениях от периферии к центру и локализованном оспаривании центральной власти. Тогда данная организация власти в пространстве была определена в научной литературе как задействие патронажных сетей (Радниц, 2012; Темиркулов, 2008, 2010). Согласно интерпретации Радница, пространство и власть структурируются клиент-патронскими отношениями, и смена власти зависит от лояльности/оппозиционности элит и их готовности использовать свои «локальные инфраструктуры» мобилизаций (Радниц, 2012). На момент мирного митинга, который неожиданно перерос в штурм Белого дома (далее БД) в ночь с 5 на 6 октября, роль традиционных политических лидеров в формировании и структурировании мобилизации и патронажных сетей была маргинализована³. Несмотря на это, основная форма мобилизации в пространстве – от периферии к центру и внутри центра – сохранилась и в эту революцию. «Город» и «село», представители которых получили упрощенные, но ёмкие нарицательные имена в виде «балконских» и «жертамских»⁴, являются ключевыми динамиками «Октябрьской революции», на фоне которых формируются различные отношения к центру, власти и режимам гражданственности.

¹ Рашид Габдулхаков, "The Avengers vs the Orcs: Social media nuances in Kyrgyzstan's (almost) third revolution", 11.10.20, <https://ru.plovism.com/post/the-avengers-vs-the-orcs-social-media-nuances-in-kyrgyzstan-s-almost-third-revolution>, accessed 12.12.20.

² Aksana Ismailbekova, "Intergenerational Conflict at the Core of Kyrgyzstan's Turmoil", 09.10.20, The Diplomat, <https://thediplomat.com/2020/10/intergenerational-conflict-at-the-core-of-kyrgyzstans-turmoil/>, accessed 12.12.20.

³ Возможно, патронажные сети были задействованы при освобождении ряда крупных политиков из тюремного заключения, таких как Сапар Исаков, Алмазбек Атамбаев, Садыр Жапаров и др. В этом случае задействие патронажных сетей отвечает узкой политической цели.

⁴ Термины «балконские», «жертамские» или «айылские» появились после проведения серии протестов «Реакция» в 2018–2019 гг. Габдулхаков дает интересную расшифровку им: "An interesting terminological phenomenon used in the Kyrgyz Twitter segment is "Balkonskie" – a term resembling Bolkonskie family in Leo Tolstoy's War and Peace but spelt with an "a". In this case, referring to a "balkon" – a Russian for balcony – basically, people living in the inner-city apartment blocks. It is perceived that Balkonskie have been looking at the state's domestic events from the comfort of their balconies, not willing to take any risks. The word is used as a self-irony by city dwellers in the capital of Bishkek and as a derogatory term in sociological othering in the context of confrontations between the "privileged" capital and the "depressed" periphery».

Пространство в теориях социальных движений – одна из старейших тем. Опираясь на литературу социальных движений (Mcadam, Sidney Tarrow & Charles Tilly, 2003), в оставшейся части эссе мы рассматриваем структурные причины и триггеры октябрьских протестов, структуру и «репертуар» мобилизаций в разрезе город/село. Это эссе основано на текущем исследовании с использованием таких этнографических методов, как глубинные интервью с участниками протестов в возрасте до 35 лет (30), включенные наблюдения за эпизодами мобилизаций (собрания, протесты, марши: 5) и анализе социальных медиа. Эссе отражает предварительный анализ части собранного материала.

Структурные причины и триггеры протестов: бедность, Ковид-19, выборы и коррупция

По данным Всемирного Банка, хотя усилиями кыргызского правительства и доноров бедность была снижена до 35 %, страна до сих пор не смогла достичь уровень развития до периода независимости (Всемирный Банк, 2020). На фоне безработицы и бедности коррумпированность органов государства и членов элиты, включая высшие эшелоны власти, является одним из основных источников недовольства граждан⁵. Одним из триггеров возмущения граждан результатами выборов 2020 г., стали громкие журналистские расследования «коррупционных схем», присутствующих в работе государственной таможенной службы и ее бывшего председателя Раимбека Матраимова, якобы позволивших ему вывести из страны 700 миллионов долларов. Эти расследования сотрясли страну в течение последних полутора лет и отсутствие реакции президента Сооронбая Жээнбекова на обнародование данной информации послужило поводом проведения серии гражданских протестных акций «РеАкция»⁶. Однако несмотря на общественную критику, семья Матраимовых принимает участие в парламентских выборах со своей партией «Мекеним Кыргызстан» и, используя технологии «информационной войны»⁷ и подкупа голосов⁸, а также близость к президенту, обеспечивают себе второе после «партии власти» место на выборах. К тому же непрохождение ни одной из оппозиционных партий в парламент усугубляет ощущение несправедливых выборов и приводит к возмущению граждан. Таким образом, ранние протесты «РеАкции» послужили информационным полем для критики режима Жээнбекова, как способствующего коррупции и узурпирующего власть. Многие участники событий 5 октября подчеркивают в интервью с автором, что до этого они принимали участие в протестах «РеАкции», проводя последовательную связь между антикоррупционными и антивыборными протестами:

- Что послужило поводом для вашего участия в событиях 5 октября?

⁵ Altynai Kulmurzaeva, “Череда революций в Киргизии вызвана коррупцией и безработицей”, 12.10.20, <https://regnum.ru/news/polit/3086978.html>, accessed 12.12.20. Смотреть также анализы предыдущих революций: Amanda E. Wooden (2014) *Kyrgyzstan's dark ages: framing and the 2010 hydroelectric revolution*, *Central Asian Survey*, 33:4, 463–481, DOI: 10.1080/02634937.2014.989755.

⁶ Erica Marat, “Kyrgyzstan’s Protests Won’t Keep Corrupt Criminals Out of Politics” <https://foreignpolicy.com/2020/10/22/kyrgyzstans-protests-wont-keep-corrupt-criminals-out-of-politics/>, 22.10.20, accessed 12.12.20

⁷ “How Kyrgyz social media backed an imprisoned politician’s meteoric rise to power”, 15.10.20, Gulzat Baialieva & Joldon Kutmanaliev, *Open Democracy*, accessed 12.12.20.

⁸ «Голос оценили в 2000 сомов». Идет массовый подкуп избирателей через форму № 2?, 25.08.20, Айбек Бийбосун, <https://rus.azattyk.org/a/30801255.html>, accessed 21.12.20.

- Я участвовал во всех акциях «РеАкции» и в этот раз вышел. Участие в «РеАкции» и то, как власть бездействовала на разоблачения коррупции Матраимова, то, как проводились выборы и прошли только партии власти – всё это было очевидно. Это возмутило меня до глубины души.⁹

Из этого можно заключить, что общественное недовольство правлением президента Жээнбекова не было спонтанным, и некоторые участники мирного митинга 5 октября, наряду с основным требованием аннулировать выборы, также требовали отставки президента. Необходимо подчеркнуть, что требование отставки президента усилилось под вечер, когда протестующие не увидели реакции властей на их требования аннулировать результаты выборов. Но остается неизученной роль «provokatorov», которые, по словам протестующих, выдвигали этот лозунг и провоцировали людей на штурм Белого дома, как места, ассоциирующегося с президентом.

Фото: Айбек Джакпиев

Если нечестные выборы уже традиционно являются триггером массовых мобилизаций в Кыргызстане, то они маскирует еще один немаловажный фактор, повлиявший на динамику мобилизаций этого года – это последствия пандемии Ковид-19. Многие граждане,

⁹ Интервью с участниками протестов.

прибывшие принять участие в протестах в Бишкек из сел, подчеркнули, что пандемия подтолкнула их к гражданской активности, так как она еще больше «обнажила коррумпированность, безответственность и некомпетентность политиков»¹⁰. Из интервью с людьми и отчетов прессы можно предположить, что пандемия ухудшила экономическое состояние людей, чья деятельность зависит от открытости границ:

С марта этого года в селе нет работы, люди не могут уехать на заработки в Россию, им нечем заняться. Мы все видели, как политики бросили народ умирать, но бессовестно активизировались во время выборов, чтобы опять попасть во власть. В вечер выборов, после голосования, я выехал обратно в город [Бишкек] и следил за новостями. На следующий день, я пошел на площадь. Я знал, что будет революция...¹¹.

Если для «балконских» (центр Бишкека) основным триггером мобилизации были нечестные выборы, то для жителей сел и жилых массивов столицы дополнительной причиной стали экономические последствия Ковид-19 и неадекватное управление эпидемиологической ситуацией властями. А на фоне личных потрясений, человеческих и экономических потерь, честные выборы были надеждой на перемены. Соответственно, украденные выборы стали для обычных граждан «последней каплей» затяжного экономического и политического кризиса.¹²

Структура мобилизаций: индивидуальная мобильность, локальная инфраструктура коллективного действия и «вотсап»

Как уже было отмечено выше, в первые дни антивыборных мобилизаций традиционные патронажные сети сыграли ограниченную роль¹³. Со стороны противоборющихся элит были мобилизованы специальные люди для создания массовки и провокаций. Но их точное количество и воздействие на динамику гражданских мобилизаций сложно установить. Что касается гражданских мобилизаций, то предварительный частичный анализ этнографического материала показывает, что наиболее важными составляющими выступают высокая индивидуальная мобильность граждан, локальные инфраструктуры коллективного действия и «вотсап»-группы как источник информации и коммуникационный медиум. Эти

¹⁰ Из собранного этнографического материала.

¹¹ Интервью с частным предпринимателем, работающим в сфере туризма в Иссык-Кульской области. Хотя официальных данных о воздействии Ковида-19 на экономику Кыргызстана и домохозяйства пока еще нет.

¹² Из собранного этнографического материала.

¹³ Многие отмечают, что отсутствие лидеров и координации повлияло на стремительное развитие протестной динамики в сторону штурма Белого дома. Некоторых «старых» политиков слушали, некоторых освистывали и не давали микрофон. Было видно, как сильно подкошен авторитет старой политической гвардии. В какой-то момент (и здесь мнения расходятся) пошел призыв к захвату Белого дома. Неясным остается вопрос о роли лидера оппозиционной партии «Чон Казат», который, по одним мнениям, направлял людей в сторону БД, а по другим – его самого заставили. Роль криминала стала заметна, по словам очевидцев, к вечеру, когда группы организованных молодых людей начали скандировать «Жээнбеков кетсин!» (В отставку Жээнбекова!) или в поддержку Садыра Жапарова. Этим молодых людей ассоциируют со спортсменами матраимовского спортивного клуба «РМ». Это был момент разлома мирного митинга: часть откололась и пошла на штурм БД, еще одна часть пошла на штурм ГКНБ, другие ушли домой.

факторы объясняют спонтанность событий, низовой характер мобилизаций, а также хаотичную динамику событий, произошедших в критические дни с 5 по 7 октября¹⁴.

В интервью с автором участники протестов 5 октября отмечают, что их прибытие на площадь «Ала-Тоо» для участия в протестах проходило самостоятельно, без координации со стороны каких-либо политических организаций, лишь опираясь на сообщения из СМИ или воодушевляясь призывами различных «инфлюенсеров». Во время мирного митинга днем 5 октября выступали узнаваемые представители молодежи, блогеры, активисты, звезды эстрады, которые проявили себя во время пандемии через волонтерские движения, и лидеры молодежных крыльев партий «Реформа», «Бир Бол», «Ата-Мекен». Их критика нечестных выборов, коррупции, несменяемости элиты и отсутствия адекватного управления пандемией привели к формулированию лозунгов «Против стариков во власти!». Многие участники приходили на площадь в одиночку, не говоря родителям и друзьям, как в случае Айдай или Нурлана, недавних выпускников столичных вузов¹⁵.

А в селах молодые люди следили за новостями и текущими результатами выборов и после появления первых сообщений о начале мирного собрания на главной площади Бишкека, они начали самоорганизовываться для поездки в столицу и принятия участия в протестах. Для низовой самоорганизации они использовали вотсап-группы, которые являются основным способом коллективной коммуникации. Вотсап-группы, которые объединяют людей в селах по определенным признакам, формируются вокруг социализирующих объектов, как, например, семья, школьное образование и реже профессиональная занятость. Являясь одним из последних институтов, формирующих коллективную социализацию в селах с эпохи развала СССР, школьное образование играет важную роль в жизни сельчан на протяжении многих десятилетий после окончания школы. Вотсап-группы создаются по принципу года окончания средней школы и объединяют выпускников одного возраста. Используя эту коммуникационную и информационную площадку 5 октября, молодые люди искали попутчиков для совместной поездки в столицу:

- Как только поступили первые фото с митингов в Бишкеке, мы начали самоорганизовываться. В вотсапе сельчане обменивались информацией и мнениями. Через чат мы нашли свободную машину в соседнем селе и выехали после обеда в город. Таких, как мы, с нашего района было человек 20–30.

Анализ этих структур и динамики мобилизации показывает, что пространство формирует разные восприятия и отношения к власти, а город или село создают и разный, и схожий опыт пандемии и восприятие сменяемости элит через выборы. Также необходимо подчеркнуть высокую мобильность жителей сел, для которых пространство является относительным препятствием для участия в важных политических событиях страны. Позже это разнородное протестное поле, состоящее из прибывших протестующих и жителей столицы, было «зачищено» движениями, спонсированными элитными группами. Это было видно на

¹⁴ Если вотсап-коммуникации и локальные инфраструктуры коллективного действия способствовали низовой мобилизации из сел, то по прибытию в город мобилизация на главной площади стала более хаотичной. Участники протестов отмечают, что в отсутствие национальных лидеров и какой-либо организованной координации, они были дезориентированы и плохо осведомлены о происходящем. Скопившиеся на площади разнородные группы из приезжих и жителей столицы были вынуждены ориентироваться на источники СМИ и на действия друг друга. Были отключены основные операторы интернета, что тоже повлияло на отсутствие координации протестного движения.

¹⁵ Все имена изменены.

примере мобилизации в поддержку Садыра Жапарова, когда часть его сторонников была организована сверху¹⁶.

«Репертуар» мобилизаций: мирные митинги и штурм Белого дома

Согласно Чарльзу Тилли, «репертуар» мобилизаций – это форма и язык коллективного действия, которая становится повторяющейся у определенных групп акторов (1993). На фоне третьего «революционного» цикла можно отметить ряд устойчивых форм коллективного действия, которые повторяются с большей частотой в Кыргызстане. Ввиду ограниченного объема нашего эссе мы затронем лишь две такие формы: это мирные митинги с акцентом на повышение гражданской культуры протестующих и штурм Белого дома, который являлся до сих пор неотъемлемой частью всех масштабных эпизодов оспаривания власти. Оба репертуара также формируются в призме пространства и власти.

Мирные митинги и повышение гражданской культуры. Повышение культуры митингов как рефлексия о наследии предыдущих революций и протестов – лейтмотив коллективного действия бишкекчан последних лет. Мирные протесты 5 октября этого года не стали исключением. В интервью с автором участники событий подчеркивали важность «мирной» формы протестов, что они пришли участвовать в мирном марше, а не в захвате Белого дома. То, что было квалифицировано другими участниками как проявление трусости и слабости, признак «балконских», этими участниками ценится как повышение политической культуры и «осознанности». Они подчеркивали гражданскую солидарность во время хаотичных событий, которая проявлялась в виде включённости медиков-волонтеров, которые оказывали первую помощь раненым, и других граждан, которые, хотя и боялись сами принимать участие, но помогали протестующим, заботливо оставляя для них бутылки с водой после применения властями газовой атаки. Дискурс и практика «окультуривания» протестов связаны с наследием предыдущих революций и протестов, которые воспринимаются в широких кругах общества как манифестации межэлитной борьбы – с одной стороны и низкой гражданской культуры – с другой. Эти протестующие повторяли, что было важно не повторить погромы предыдущих революций, не стать орудием в руках элит (на кыргызском: «курал болуп калбайлы»)¹⁷. Дискурс и практика «окультуривания» протестов должны пониматься в этом контексте как стратегия проведения черты между прошлым и настоящим, как стратегия легитимизации новых протестов и привлечения общественной поддержки. Многие жители, которые придерживались концепции мирного оспаривания, ушли с площади, как только начались столкновения с правоохранительными органами. Как потом говорили «айылские»: ««балконские» побоялись замарать руки», тогда как они остались противостоять власти и «довели дело до конца», то есть взяли Белый дом.

¹⁶ Однако было бы ошибочно думать, что протесты сторонников Садыра Жапарова были полностью срежиссированы сверху.

¹⁷ Эльмира Сатыбалдиева обсуждает в своей статье один такой инструмент межэлитной борьбы - ОБОН (отряд баб особого назначения) и негативной стигматизации любого женского участия в протестах. Elmira Satybaldieva (2018) A mob for hire? Unpacking older women's political activism in Kyrgyzstan, Central Asian Survey, 37:2, 247-264, DOI: 10.1080/02634937.2018.1424114

Штурм Белого дома стал стабильным репертуаром масштабных социальных мобилизаций как гиперсимвол власти. Что интересно, «ветераны революций», которые уже принимали участие в 2005 или 2010 гг., не заходили в здание БД, так как для них это был «пройденный этап». Они стояли снаружи или следили, чтобы штурмующие не крушили правительственное имущество. А для новых участников, особенно из сел, «взятие» БД было возможностью «сделать селфи», «стать частью событий в столице» и «вернуться в родное село в качестве героев»¹⁸. Для жителей Бишкека Белый дом, возможно, также символизирует власть, но его физический захват не является обязательным репертуаром революций. Для жителей же сел, политическая жизнь которых активизируется лишь во время выборов, БД становится возможностью преодоления политического пространства между Бишкеком и селом.

Выводы

Как и «эл», город и село являются проблематичными категориями анализа и тем более практики. Постмодернизм дошел и до Кыргызстана, и популярные аналитические попытки охарактеризовать эти разнородные группы в упрощенные категории «балконских» и «айыльских» встречаются на самом деле кризисом этих понятий. Среди опрошенных протестующих многие подвергли сомнению свою принадлежность к городским, т.к. городская и сельская идентичности намного сложнее. Бишкек как мини-страна, а не только столица, не является каким-то политическим монолитом с однозначной идентичностью. Многие успешные молодые люди, которые получили образование и работу в столице, не причисляют себя к «балконским». Они до сих пор ощущают себя сельскими, так как интеграция в город была и остается сложной. В столице не у всех есть собственное жилье, стабильная работа и защитные сети (safety nets). Но и причислять себя к сельским для этого поколения кыргызстанцев становится все более проблематичным. Доступ к образованию, глобализации и городской культуре обуславливает другой режим гражданственности. И наконец, существует тесная связь между городом и селом – многие жители живут на две географии в силу природы бизнеса, работы, миграции, семейных связей. И это размывает строгие границы и ставит под вопрос эти идентичности.

Но пространство играет роль в формировании отношения к власти и режимов гражданственности. «Городские» и «сельские» группы сошлись 5 октября в их требовании аннулировать украденные выборы и пресечь коррупцию. Но они тут же разошлись в понимании того, как и кем должна руководиться дальше страна. Если «сельские» поддержали – кто-то с осторожностью, а кто-то с воодушевлением и надеждой – назначение популиста и националиста Садыра Жапарова и.о. президента, то «балконские» однозначно восприняли это развитие ситуации как узурпацию революции узкой группой политиков.

Использованная литература

Gabdulkhakov Rashid, “The Avengers vs the Orcs: Social media nuances in Kyrgyzstan's (almost) third revolution”, 11.10.20, <https://www.plovism.com/post/the-avengers-vs-the-orcs-social->

¹⁸ Материалы этнографического исследования.

media-nuances-in-kyrgyzstan-s-almost-third-revolution?fbclid=IwAR3JHDp0a7Li-LtBNqjTa2uyevGA4s_jiFEyuVs2oAzcMNCrD4UxBtvIKQ8

Aksana Ismailbekova, “Intergenerational Conflict at the Core of Kyrgyzstan’s Turmoil”, 09.10.20, The Diplomat, <https://thediplomat.com/2020/10/intergenerational-conflict-at-the-core-of-kyrgyzstans-turmoil/>, accessed 12.12.20

Scott Radnitz, *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia*, Cornell University Press, 2012.

Azamat Temirkulov, “Kyrgyz “revolutions” in 2005 and 2010: comparative analysis of mass mobilization”, *Nationalities Papers*, Volume 38, Issue 5, September 2010, pp. 589 – 600 DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2010.503617>.

Azamat Temirkulov (2008) Informal actors and institutions in mobilization: the periphery in the ‘Tulip Revolution’, *Central Asian Survey*, 27:3-4, 317-335, DOI: 10.1080/02634930802536753.

Doug Mcadam, Sidney Tarrow & Charles Tilly (2003) *Dynamics of Contention*, *Social Movement Studies*, 2:1, 99-102, DOI: 10.1080/14742837.2003.10035370.

Altynai Kulmurzaeva, “Череда революций в Киргизии вызвана коррупцией и безработицей”, 12.10.20, <https://regnum.ru/news/polit/3086978.html>, accessed 12.12.20

Charles Tilly, “Contentious Repertoires in Great Britain, 1758-1834”, *Social Science History*, Summer, 1993, Vol. 17, No. 2 (Summer, 1993), pp. 253- 280.

Elmira Satybaldieva (2018) A mob for hire? Unpacking older women’s political activism in Kyrgyzstan, *Central Asian Survey*, 37:2, 247-264, DOI: 10.1080/02634937.2018.1424114